

В. Н. ПАРФЕНОВ

**ИМПЕРАТОР И ЕГО ГЕНЕРАЛЫ:
К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДОМИЦИАНА
С ВЫСШИМ КОМАНДНЫМ СОСТАВОМ АРМИИ**

Автору этих строк уже приходилось указывать, что взаимоотношения императора Домициана и армии нуждаются во внимательном и скрупулезном изучении. Одна из сторон этой проблемы - это отношение последнего Флавия к своему «генералитету», то есть наместникам провинций и легатам легионов, и обратная реакция римских генералов на своего главнокомандующего.

Для начала попытаемся определить, как Домициан видел свою роль во главе армии. По наблюдению Ф. Мпллара, в соответствии с устойчивой традицией в римской общественно-политической жизни, положение императора изначально было двойственным: как гражданским, так и военным. Соответственно, те императоры, что не имели солидной военной репутации, стремились, оказавшись на троне, проводить крупные военные кампании.

Здесь имеет смысл особо отметить, что именно Домициан положил начало традиции личного участия императора в военных действиях. Дж. Кэмпбелл приводит такую любопытную статистику. После испанской войны 26-25 гг.

до н. э. Август никогда больше сам не командовал войсками. За исключением неудавшейся кампании Гая в Германии и кратковременного пребывания Клавдия в Британии, ни один император династии Юлиев-Клавдиев не руководил войной лично. Однако начиная с Домициана, с 81 по 192 г. включительно, только два императора - Нерва, чье правление было кратковременным, и Антонин Пий не воевали и не посещали армий в провинциях. После 193 г. и вплоть до смерти Максимиана Фракийца в 238 г. лишь Элагабал пренебрег уже сложившейся традицией.

Б. У. Джонс тоже констатирует, что Домициан «фактически был первым императором, который провел значительную часть времени своего правления вне Рима, лично участвуя в своих военных предприятиях». М. Грант справедливо отметил, что в подобном поведении кроется главная причина популярности этого императора в военных кругах: «Домициан был популярен среди солдат не только из-за того, что повысил им жалование и подчеркивал их значение для государства, но прежде всего потому, что проводил с ними так много времени, больше, чем любой другой действующий правитель со времен триумвиров в предшествующем столетии». В отечественной науке тезис об устойчивой популярности Домициана в армии недавно был уточнен: «Домициан, бесспорно, преуспел в создании личной популярности и опоры своей власти в рядовом составе легионов и преторианской гвардии. Однако вследствие развития конфликта Домициана с сенатом, представители которого поставляли большинство военных командиров, и недоверия императора даже к ближайшему дворцовому окружению, в том числе - к префектам претория, Домициан столкнулся с проблемой лояльности командного состава».

С этим наблюдением можно согласиться, однако масштабы лояльности или нелояльности «генералитета» опять-таки остаются невыясненными. Здесь уместно вспомнить, что к концу правления Домициана в римской армии насчитывалось 28 легионов. Следовательно, за пятнадцать лет его принципата должность легата легиона должны были занимать несколько сотен человек. Затем следовала селекция, проводимая императором, — сито тщательного отбора на должность провинциального наместника оставляло для дальнейшей карьеры на порядок меньше претендентов, чем число легионных легатов.

К сожалению, нет возможности подробно проследить большое число таких карьер, но классический пример все же имеется: *cursus honorum* Гнея Юлия Агриколы, тестя Тацита. Карьерный рост Агриколы был обеспечен не только его деловыми качествами, но и тем, что он вовремя принял сторону Веспасиана в гражданской войне. То же самое можно сказать о других военачальниках Домициана, игравших при нем видную роль: префекте претория Корнелии Фуске, погибшем во время карательной экспедиции против даков,

Теттии Юлиане, одержавшем крупную победу над этим грозным противником при Тапах, на заключительном этапе войны.

Интересен в этом смысле пример М. Ульпия Траяна-старшего, отца императора Траяна. Будучи в 69 г. легатом X легиона в Иудее, он, когда исход борьбы за власть в Риме был еще далеко не предрешен, высказался за Веспасиана, провозгласившего себя императором, - и не прогадал. Уже в 70 г. он, вероятно, получает должность консула-суффекта, затем, до 73 г., является легатом провинции Галатия-Каппадокия. После этого ему вверяется провинция Сирия и ответственность за восточную границу Римской державы (73/4—76/7 гг.). В конечном счете Траян-старший получает проконсулат в провинции Азия, считавшийся высшим в системе провинциальных наместничеств. Первым из своего рода он был введен Веспасианом в число патрициев. Таким образом, выбор, сделанный отцом будущего императора Траяна в ходе гражданской войны, обеспечил блестящую карьеру не только ему самому, но и его сыну.

Надо, правда, оговориться, что преданность династии и лично императору не всегда соответствовали иным качествам, необходимым провинциальному администратору и военачальнику. Так, наместник Мезии Оппий Сабин, входивший в ближайшее окружение Домициана, своей политикой на Нижнем Дунае, видимо, спровоцировал конфликт с даками, переросший в длительную и кровопролитную войну, и сам погиб при их вторжении в его провинцию. Корнелий Фуск, сопровождавший императора с частью преторианской гвардии на внезапно открывшийся театр военных действий, был оставлен в качестве командующего после освобождения Мезии от варваров и отбытия Домициана в Рим. Однако вслед за тем он возглавил «акцию возмездия» и, переправившись через Дунай, был уничтожен вместе с частью своей армии в горных теснинах Дакии.

По поводу назначения Фуска командующим нижнедунайским фронтом мнения исследователей расходятся. С. Гзель считал выбор Домициана ошибочным: Фуск не обладал достаточным военным опытом, а своей карьерой был всецело обязан тому обстоятельству, что, будучи в 69 г. прокуратором Паннонии, принял активное участие в гражданской войне на стороне Веспасиана. К. Пач, напротив, характеризует Фуска как «надежного, энергичного, имевшего заслуги перед династией Флавиев генерала». Р. Сайм указывает, что выбор префекта гвардии в качестве командующего в войне был естественным, если, как и было в данном случае, сам император находился на театре военных действий. Правда, далее исследователь замечает по поводу Фуска: «Если он и сохранял еще напор и энергию, с помощью которых добился победы в гражданской войне, они сослужили ему плохую службу в лесах и горах Дакии». Тацит, который, правда, судил уже по конечному ре-

зультату (т. е. разгрому и гибели Фуска), оценивает его так: «Опасности он любил больше, чем блага, добываемые их ценой (*non tam praemiis periculorum quam ipsis periculis laetus*), крайние и рискованные меры предпочитал испытанным и верным» (Тас. Hist. И. 86. 3). Таким образом, авантюризм был в характере римского командующего, и свою роковую роль это должно было сыграть.

Для рассматриваемой проблемы важно, что в обоих случаях, после как разгрома Сабина, так и катастрофы Фуска, Домициан считал своей обязанностью прибыть на театр военных действий и осуществлять руководство ими, пока ситуация не стабилизировалась. Таким образом, можно заключить, что он считал себя лично ответственным как за назначение командующих, так и за их гибель. Дион Кассий, правда, характеризует стиль военного руководства Домициана иначе: «Будучи разбит, он обвинял в этом своих военачальников. Дело в том, что, хотя для себя он требовал побед, ни одна из них не была одержана им самим, однако он обвинял других в поражениях, несмотря на то, что они были следствием отданных им приказов. Таким образом, он ненавидел тех, кто побеждал, и обвинял тех, кто терпел поражения» (LXVII.7.1).

Эта характеристика, мягко говоря, далека от объективности, хотя даже из нее ясно, что римские военачальники должны были выполнять указания императора как верховного главнокомандующего. Насколько известно, сам Домициан никогда не руководил войсками первой линии. Однако от принцепса являться профессионалом в военном деле было, конечно, весьма желательно, но не обязательно. Домициан, как давно отмечено, был одним из лучших администраторов, когда-либо управлявших империей, - твердым, дальновидным и педантичным. В данном случае эти качества были решающими для успеха кампаний, которыми он руководил.

Концентрация военной славы на персоне императора была непреложным правилом со времен Августа, однако Домициан не скупился на награды ни для солдат, ни для офицеров. Так, по случаю окончания войны с Децебалом император «наградил воинов почестями и деньгами» (Dio Cass. LXVII. 7. 3). Классический пример награжденного солдата - *captor Decesebali* - Тиберий Клавдий Максим, уроженец Филипп, при императоре Траяне захвативший дакийского царя, который в момент пленения покончил с собой. Максим начал военную службу в качестве кавалериста VII Клавдиева легиона и за Дакийскую войну получил награды из рук Домициана: *bello Dacico ob virtutem donis donatus ab imperatore Domitiano*.

Л. Фунизулан Веттониан, бывший наместником Паннонии в начале боевых действий в Мезии, а затем назначенный руководить Верхней Мезией, получил от Домициана (чье имя в надписи выскоблено) за Дакийскую войну *dona consularia* - комплект боевых наград, включавший 4 венка (стенной, ла-

герный, морской и золотой), 4 почетных копыя и 4 знамени (ILS. 1005 = MW. 307). Легат сначала еще неразделенной, а затем Нижней Мезии М. Корнелий Нигрин Куриаций Матерн, получил за боевые действия против даков двойной комплект консульских наград, став, таким образом, самым успешным из всех известных полководцев Домициана (AE. 1973.331). Легат XIII Сдвоенного легиона был награжден императором за поход против свевов и сарматов тремя венками, тремя почетными копьями и тремя знаменами (ILS. 1017). Военный трибун Л. Росций Элиан Меций Целер, который командовал в войне Домициана против хаттов вексиляриями IX Испанского легиона, был награжден лагерным и стенным венками, двумя серебряными знаменами и двумя почетными копьями (MW. 322).

Наконец, самый известный пример. Гней Юлий Агрикола, тесть Тацита, единственный из всех военачальников и администраторов Домициана, был за свою деятельность в Британии награжден триумфальными отличиями и статуей в одеянии триумфатора (Tac. Agric. 40.1). Отзыв Агриколы из провинции объяснялся не завистью императора к его военной славе, как утверждал Тацит, а, как доказано достаточно давно, чисто деловыми и весьма основательными соображениями.

Таким образом, объективные данные позволяют утверждать, что положение Домициана в армии было достаточно прочным и отношения императора с тщательно подобранным высшим командным составом не должны были вызывать опасений. Тем более неожиданным для последнего Флавия должен был стать военный мятеж, поднятый наместником Верхней Германии Л. Антонием Сатурнином (конец 88 - начало 89 г.). Его, как и заговор 87 г. в самом Риме, Домициан, внимание которого было приковано к придунайскому театру военных действий, с полным основанием мог расценить как удар в спину. Это тем более верно, что, по «анкетным данным», Сатурнин должен был относиться к числу самых надежных командующих Домициана как типичный «выдвиженец» времени Флавиев. В молодости он, вероятно, был участником гражданской войны на стороне Веспасиана, был включен им в число сенаторов.

Около 78-81 г. Сатурнин был наместником Иудеи и командующим стоявшим там X легионом. Затем, предположительно в 82 г., т. е. уже при Домициане, он становится консулом-суффектом, а в конце 80-х годов получает наместничество в Верхней Германии и командование четырьмя легионами.

Мотивы выступления и подлинные масштабы заговора против Домициана остались невыясненными. Существующие предположения (кроме сугубо личных мотивов, упоминаемых большинством исследователей), могут быть сведены к следующему: 1) контрудар в ответ на жестокое обращение Доми-

циана с сенаторским сословием; 2) типичный солдатский бунт, сделавший Сатурнина вынужденным узурпатором; 3) отражение недовольства части офицерского корпуса Рейнской армии Рима невнимательным отношением Домициана к германской границе и защищавшим ее войскам.

Хотя мятеж был быстро подавлен, он произвел сильное впечатление на Домициана. По справедливому замечанию М. П. Чарльзворта, «заговор Сатурнина вызвал у него шок, от которого он так никогда и не оправился». Император обрушил репрессии на сенаторов, уже не прекращавшиеся до самого конца его правления. Трудно сказать, насколько они были обоснованными. Ясно, что некоторые сенаторы стали жертвами Домициана, неясно лишь, в какой степени они были невинными жертвами. Во всяком случае, из действующих командующих армиями при Домициане погибли лишь трое: Антоний Сатурнин, убитый собственными солдатами, наместник Британии Лициний Лукулл, вероятно, замешанный в заговоре, и проконсул Азии Веттулен Цивика Цереалис - по той же причине.

Подводя итог, можно сказать, что деятельности Домициана во главе государства следует дать высокую оценку. Вместе с тем, среди римских императоров он является одной из самых трагических фигур. Яркий представитель династии, военной по своему происхождению и характеру, Домициан видел дальше многих других: он первым оценил и ограниченность ресурсов империи по сравнению с варварским миром, и ту страшную опасность, которая угрожала ей с севера. Его поведение, шокировавшее верхушку общества, было ответом на вызов времени. С его точки зрения, империя могла выстоять только при условии полной централизации руководства и при железной дисциплине внутри правящей элиты, которая тогда являлась главным поставщиком кадров для высшего командного состава. Но этого взгляда «отцы-сенаторы» не понимали, не разделяли и не могли разделить. В результате Домициан погиб, непонятый и оклеветанный своими современниками. Впрочем, предав память последнего Флавия официальному забвению, его преемники фактически продолжали ту же политическую линию.

¹ *Campbell J. B. The Emperor and the Roman Army. 31 B. C. - A. D. 235. Oxford. 1984 P. 57.*

² *Jones B. W. The Emperor Domitian. L.. 1992. P. 126 f.*

³ *Grant M. The Army of the Caesars. L., 1974. P. 218.*

⁴ *Смирнова Е. Л. Принципат Флавиев: императорская власть и римское общество в последней трети I века нашей эры (69-96 гг.). СПб.. 2002. С. 16.*

⁵ *Patsch C. Der Karnpf um den Donauraum unter Domitian und Traian. Wien: Leipzig, 1937. S. 6.*

⁶ *Syme R. Flavian Wars and Frontiers//САН. 1936. Vol. XL P. 171.*

⁷ *Charlesworth M. P. The Flavian dynasty // САН. 1936. Vol. XI. P. 27.*